

А. Р. КЛОЦ

“НЯНЬКАТЬСЯ БУДЕМ?” МЕМОРИАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ СОВЕТСКОГО ДЕТСТВА 1930 – 1950-х гг.

В статье делается попытка на основе устно-исторического метода и анализа сохранившихся письменных источников личного характера реконструировать образ няни, сложившийся у советских детей, выросших 1930-е – 1950-е гг.

Ключевые слова: образ няни, воспитание, феномен советского детства, воспоминания и интервью.

В июне 1929 г. на заседании коллегии Наркомпроса РСФСР был объявлен всесоюзный «дошкольный поход» с целью создания сети детских дошкольных учреждений, которая бы позволяла советским женщинам практически сразу после родов выходить на работу. Освобождение от необходимости оставаться дома с маленькими детьми было одним из важнейших условий реализации гендерного контракта «работающей матери», на котором основывалась гендерная политика эпохи сталинизма¹. Однако, детских яслей и садов было явно недостаточно. К началу индустриализации (1928/29 учебный год) в городе охват детей дошкольными учреждениями составлял 16,2%, в сельской местности – 1,25%². Несмотря на серию мероприятий по расширению сети яслей и детских садов, последовавших за принятием Постановления ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов...» от 27 июня 1936 г., многие семьи не могли получить места для своего ребенка в детских учреждениях и были вынуждены пользоваться услугами частных нянек.

Няни, в официальных бумагах эпохи именовавшиеся «домашними работницами», безусловно, сыграли определенную роль в формировании мировидения советских детей. Образ няни представлен во многих художественных текстах того времени. Няньки в эпоху сталинизма составляли заметную профессиональную и социальную группу (только по данным Всесоюзной переписи 1939 г., в РСФСР насчитывалось 372.488 домашних работниц³, а во всем Союзе – 534.812⁴, в реальности же их

¹ См.: Здравомыслова, Темкина. 2006. С. 64-69.

² Салова. 2009.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 г. 1999. С. 174

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 г. 1992. С. 111.

было гораздо больше), однако на сегодняшний день не существует специальных исследований, посвященных данной проблематике.

Если социально-правовые аспекты жизни домашних работниц в конце 1920-х – 1950-е гг. реконструируются через законодательные и нормативные акты, материалы профсоюзов и прессы, то для социально-психологического анализа отношений няни и ребенка нужны источники личного характера, такие как дневники, воспоминания и материалы интервью. При работе со второй группой источников возникают определенные трудности. Сами няньки, будучи либо слишком юными, либо малообразованными, дневники и воспоминания писали редко. Их наниматели в своих записях могли фиксировать лишь взгляд со стороны. Сами же маленькие воспитанники зачастую слишком рано расставались со своими нянями, чтобы сохранить какие-то четкие воспоминания. Можно говорить лишь об образе няни, который формировался в раннем возрасте и претерпевал изменения на протяжении всей жизни.

В данной статье делается попытка на основе устно-исторического метода и анализа сохранившихся письменных источников личного характера реконструировать образ няни, сложившийся у советских детей, выросших 1930 – 1950-е гг., понять, какие объективные и субъективные факторы повлияли на его формирование, как он взаимосвязан с феноменом советского детства. Для этого были выбраны особые источники – отрывки из автобиографий и интервью с людьми, чье детство в основном прошло на годы сталинизма или начало хрущевских реформ. Хронологические рамки работы не совсем совпадают с одной исторической эпохой, так как повседневные практики менялись гораздо медленнее, чем политическая ситуация в стране. Перемены в жизни деревни (введение паспортов, повышение уровня жизни) и расширение сети детских садов и яслей в 1960-е годы привело к постепенному исчезновению практики найма нянек в советских семьях со средним достатком.

Работа с воспоминаниями и устными интервью имеет сходные черты: в обоих случаях мы имеем дело с автобиографической памятью – «субъективным отражением пройденного отрезка жизненного пути, состоящим в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний»⁵. Кроме очевидной субъективности, эти материалы чрезвычайно многослойны и образны, они позволяют проникнуть во внутренний мир автора, увидеть смыслы и связи, возможно недоступные самому повествователю. При этом «ценность автобиографических материалов по детству в их докумен-

⁵ Педагогическая антропология... С. 32.

тальности. Они неопровержимо свидетельствуют: вот что остается в памяти навсегда, вот что воскрешается в ней и через полвека, и спустя семьдесят лет! И это воскрешение есть сущностное»⁶. Таким образом, мы получаем источники, которые являются уникальными документальными свидетельствами личных и даже интимных сторон ушедшей эпохи, показывающие, что было действительно важно для людей того времени, при этом дающие простор для анализа глубинных процессов человеческого сознания и попыток пересмотреть устоявшиеся представления, основанные на данных более «традиционных» источников.

Однако существует и очевидная разница между письменной автобиографией и устным интервью. Автор автобиографии сам отбирает существенные, по его мнению, события и персонажи, тщательно продумывая повествование. В нашем случае это приводит к тому, что образ няни является проходящим, «одним из» персонажей детства. С другой стороны, раз автор считает нужным включить няню в свое жизнеописание, значит, ему кажется, что она сыграла какую-то роль в становлении его личности: ведь воспоминания о детстве – источник размышлений о том, почему повествователь стал таким, какой он есть.

Если в автобиографии автор полностью сам формирует текст, то интервью – это продукт общения интервьюера и респондента, причем первый задает как минимум тему беседы. «В интервью сочетается непреднамеренный непосредственный рассказ о событиях в индивидуальной жизни и рожденное опытом осмысление рассказчиком связи между этими событиями»⁷. Стоит отметить, что для многих респондентов просьба рассказать о своей няне была неожиданной и довольно часто казалось, что многие сюжеты очень давно не извлекались из памяти и их осмысление происходило прямо в момент интервью.

Существует несколько видов интервью⁸, но в данном случае был выбран проблемно-нарративный подход (single issue), так как нас интересовал конкретный сюжет. Было проведено 15 интервью с респондентами, воспитанием которых в течение какого-то времени занимались няни. Большинство опрошенных можно отнести к «советской интеллигенции» – это дети врачей, инженеров, преподавателей⁹.

Сначала респонденту предлагалось самому рассказать о своей няне (нянях), а затем задавались уточняющие вопросы с целью заставить об-

⁶ Природа ребенка в зеркале автобиографии... С. 11.

⁷ Педагогическая антропология... С. 48.

⁸ См.: Гринченко. С. 219.

⁹ Домашних работниц нанимали и представители других социальных групп, например рабочих: ГАПК. Ф. 470. Оп. 1. Д. 65. Лл. 21, 36.

ратиться к малозначительным для него/нее деталям и эпизодам. При этом какие-то моменты не только вспоминались, но, как кажется, и «додумывались». Однако такое «додумывание», как и «ложные воспоминания» (воспринятые со слов других, либо из художественных произведений) не искажает искомый «образ», а лишь дополняет его. В некоторых случаях респонденты, затрудняясь дать ответ на какой-то конкретный вопрос, пытались сами сделать предположения, которые были созвучны с их представлениями о самой няни или о членах семьи. Характерным в этом плане является ответ многих респондентов на вопрос о существовании трудового договора с домработницей и ее прописке, например:

«А вот договор – это я не знаю. Может что-то как-то и было, может быть и делали, потому что я вот знаю, что папа потом, да и не потом, это всегда так старался, уже если... столько сделал для столько людей... наверняка и там все сделал так, чтобы девочкам было нормально. Все, что нужно оформить, все, что нужно сделать, договориться и записать так, как надо. Потому что я не представляю себе, чтобы мои родители кого-то подвели. Все, что нужно было сделать, это было всегда сделано»¹⁰.

В отличие от дореволюционных нянь и кормилиц, которые жили в семье и воспитывали, как правило, нескольких детей, а то и несколько поколений, советские домработницы чаще всего не задерживались в одной семье. У многих респондентов сменилось по две-три и даже более нянь. При этом в большинстве случаев домработницы присматривали за детьми до трех лет, либо за дошколятами. С одной стороны, кратковременность отношений делает воспоминания более размытыми, но с другой – она дает возможность увидеть няню действительно «детскими глазами», а не через призму более поздних воспоминаний¹¹.

Какое место занимает няня в иерархии образов детства? В большей части воспоминаний и интервью няня – полноправный член семьи. Это следует из прямых высказываний респондентов и мемуаристов: «Она, собственно, была член семьи»¹², «все с нами, ну как член семьи»¹³, «поскольку своих бабушек у меня практически не было, поэтому она мне заменяла бабушку»¹⁴, «эта женщина (моя няня) была для меня еще одной матерью»¹⁵; а также из воспоминаний о повседневных практиках: няни чаще всего жили и ели вместе с нанимателями, многие эпизоды

¹⁰ Запись интервью от 24 января 2009 г. с А. Д. Энгаус, архив автора.

¹¹ Хотя, конечно, были и такие няни, которые десятилетиями работали в одной семье, а их наниматели и воспитанники становились самыми близкими людьми.

¹² Запись интервью от 2 декабря 2009 г. с А. В. Годинер, архив автора.

¹³ Запись интервью от 11 ноября 2009 г. с Ю. З. Цыловой, архив автора.

¹⁴ Запись интервью от 6 июня 2009 г. с Т. А. Костаревой, архив автора.

¹⁵ *Дамье*. http://zhurnal.lib.ru/d/damxe_w_w/karandashi.shtml.

воспоминаний говорят о действительно близких отношениях. Одна из респонденток вспоминает забавную выходку сестры:

Как-то приходят они (*родители*) из гостей – Тася плачет: “Ваша Лена меня обидела. Она сказала, что я скотина”. Родители кинулись к Лене, стали спрашивать: “Откуда ты знаешь такое нехорошее слово! Как тебе не стыдно! Ты зачем Тасю обидела!” А Ленка удивленно говорит: “Так вот в книжке написано: Как у нашего Трофима разыгралась вся скотина. Тася разыгралась, Тася – скотина”¹⁶.

Слезы няни и возмущенную реакцию родителей можно объяснить тем, что Тася была действительно близким человеком, которого может очень обидеть грубое слово со стороны кого-то из членов семьи.

Особенно близкие отношения между ребенком и няней складывались в тех семьях, где родители по каким-то причинам не могли уделять много времени ребенку: «Мама – врач, приходит затемно, а папа – лесной техник, пропадает в своем лесу. Зато Луша всегда со мной. Она – моя, больше ничья. С ней хоть на край света!»¹⁷, – так описывает свою семью пермская поэтесса Белла Зиф в автобиографической повести «Провинция». В устной беседе это настроение прозвучало еще сильнее:

У меня с ней, единственной, было какое-то, знаешь, пускай тавтология в каком-то смысле, духовное отдохновение, понимаешь? Мне с ней было хорошо. Мне с ней было бы вот так вот... чтобы я всю жизнь жила. Это какое-то... это было детское блаженство, единственное в своем роде¹⁸.

В отличие от образа няни «члена семьи», образ няни «преданной прислуги» практически не встречается, но некоторые черты взаимоотношений по типу «хозяева – прислуга» все-таки можно проследить. Например, характеризуя свою няню, одна из респонденток отмечает такие ее качества как незаметность, способность быть всегда под рукой, свои-ственные, скорее, хорошей прислуге, чем полноправному члену семьи:

У нас квартира была... там большой коридор и кухня – больше двадцати метров, наверно. И как-то она всегда находила дело. Ее никогда не было в комнатах. Приходила, что-то делала, прибирала, убирала, приносила и опять куда-то исчезала. Она всегда там себе находила работу, сидела иногда там вязала что-то или что-то еще. Какая-то вот совершенно ненавязчивая и незаметная, и в то же время всегда под руками, когда что-нибудь надо, она всегда поможет, все сделает¹⁹.

Воспоминания о няне могут отражать не только ее отношения с ребенком, но и отношения внутри семьи. Для Светланы Аллилуевой ее няня – это, прежде всего, связь с прошлым, с погибшей матерью: «В доме постепенно, не сразу, но примерно к 1938-му году не осталось, кроме

¹⁶ Запись интервью от 21 сентября 2009 с А. Г. Черных, архив автора.

¹⁷ Зиф. С. 9.

¹⁸ Запись интервью от 24 января 2010 с Б. Л. Зиф, архив автора.

¹⁹ Запись интервью от 2 октября 2009 с И. В. Кошелевой, архив автора.

моей няни, никого из тех людей, которых нашла в свое время мама, которые любили ее, уважали, не забывали и старались насколько возможно следовать установленному ею порядку»²⁰. Противостояние «старого», связанного с матерью, и «нового», представителей которого в своем доме Светлана называла «казенным людом», особенно ярко проявляется в истории о противостоянии старой няни и новой гувернантки:

С первого же дня она вступила в постоянный конфликт с моей няней. Не знаю, что у них там вышло, но я увидела, что няня, обидевшись, уходит из комнаты, а Лидия Георгиевна истерически кричит ей вслед: – “Товарищ Бычкова! Не забывайте! Вы не имеете права со мной так разговаривать!” Я посмотрела на нее и спокойно сказала: “А вы – дура! Не обижайте мою няню!” С ней сделалась истерика. Она рыдала и смеялась, – я никогда не видела подобных вещей, – ругала меня, “невоспитанную девочку”, и мою “некультурную” нянюку. Дело улеглось, но мы с ней навеки стали врагами... Пять лет она меня “воспитывала”, являясь каждый день, враждуя с моей невозмутимой нянюкой, мучая меня истериками, бесталанными уроками и бездарной своей педагогикой. Мы ведь привыкли к прекрасным педагогам, которых нам находила мама...²¹.

Так история, главные героини которой – няня и гувернантка, в итоге заканчивается образом матери – символом детского счастья для автора.

Безусловно, не всегда с нянями складывались теплые отношения. Так, очень любившая первую няню Лушу Б. Зиф, свою последнюю нянюку называет «кошмаром»: «Она была для меня очень неудобна. Она была какая-то балда... Она со мной не могла управиться вообще. То есть она была никакая не няня»²².

Если попытаться создать некую типологию образов няни, можно выделить три основных типа: «девочка из деревни», «добрая старушка» и «злая нянюка». Причем, так как у многих детей няни менялись, в воспоминаниях присутствуют два или даже все три образа. Самый распространенный тип – «девочка из деревни». Прежде всего, это отражает общую картину: большую часть домашних работниц составляли девушки из колхозов, стремившиеся закрепиться в городе²³. У нанимателей они задерживались ненадолго, чаще всего не более чем на несколько лет, так как находили более престижную работу на заводе или в сфере обслуживания. Эта ситуация отражена и в некоторых воспоминаниях:

²⁰ Аллилуева. <http://bibliotekar.ru/allilueva/12.htm>

²¹ Там же.

²² Запись интервью от 24 января 2010 с Б.Л. Зиф, архив автора.

²³ Большинство материалов личного происхождения и архивных данных свидетельствуют о том, что основную массу прислуги составляли женщины из сельской местности. При этом, согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., более 40% домработниц были младше 20 лет, еще 20% попадали в категорию от 20 до 29 лет. См.: Всесоюзная перепись населения 1939 г. 1992. С.135.

Это были девочки, вот как бы сказали сейчас “старшеклассницы”, которые были из деревни. И там, практически, если оставаться там, что там дороги уже никуда нет. Они вырывались в город. И для того чтобы в городе все это как-то было по-человечески, устраивались в семьи... Если не уехать в город, то в деревне... там же ни паспорт, ничего.. Они же тут уже получили паспорт и они могли уже дальше жить. В деревне же паспортов не было. Считай, крепостное право. Это было просто ужасно²⁴.

Такие девочки не только присматривали за детьми, но и сами активно обучались жизни в городе. Прежде всего, это касалось ведения хозяйства, так как оно отличалось от того, к которому они привыкли в колхозе. Юные няньки становились как бы старшими дочерьми, которых «родители» обучали самым обычным бытовым навыкам:

Где-то вот так вот в глубине отложилось, что вот мама говорит: “Фая, вот смотри, вот это так, вот это готовится так”. Она ее еще и готовить учила. Ну, все как в любой нормальной семье²⁵.

Для адаптации в городской среде было важно выглядеть в соответствии с новыми стандартами. Одна из респонденток вспоминает вереницу домработниц, приходивших в дом, как девушек, озабоченных своей внешностью: «Они около зеркала крутились, там себе какие-то колечки завивали, еще что-то»²⁶. Для девочки, не имевшей друзей и родных в городе, и в этом вопросе нанимательницы были главными советчиками: «Тася, она, конечно, из деревни приехала, но она старалась как-то по-городскому (выглядеть). И с мамой, я думаю, они обсуждали, как одеваться». Научиться правильно говорить тоже помогала семья нанимателей: «Моя бабушка, в общем, она педагог такой была настоящий, и она в общем ей помогала очень, поправляла постоянно, как нужно говорить правильно»²⁷. Для ребенка такая няня – старшая сестра. От нее можно было узнать о жизни подростков. А. Д. Энгаус запомнился такой разговор: «Вот, так трудно, классное сочинение. – А что такое это классное сочинение? – Вот вырастешь – узнаешь»²⁸. У юной няньки был свой мир, мир девушки, который очаровывал и манил воспитанницу:

«Я помню, у нее была такая коробочка, в которой лежали какие-то кружева, нитки цветные... И такая она вот красивая, вся зеленым атласом обтянута, эту коробку ей, кстати, мама подарила. И вот мне тоже нравилась эта коробочка. Я так смотрела.... У нее так все там аккуратненько, эти нитки цветные»²⁹.

²⁴ Запись интервью от 24 января 2009 с А.Д. Энгаус, архив автора.

²⁵ Там же.

²⁶ Запись интервью от 2 октября 2009 с И.В. Кошелевой, архив автор.

²⁷ Запись интервью от 11 января 2010 с И. Б. Облизиной, архив автора.

²⁸ Запись интервью от 24 января 2009 с А.Д. Энгаус, архив автора.

²⁹ Запись интервью от 11 января 2010 с И. Б. Облизиной, архив автора.

О «родственности» отношений между нянями и нанимателями говорит и участие семей в личной жизни девушек. По словам одной из респонденток, ее мама собрала приданое для няни, полюбившей курсанта военного училища³⁰. Даже после ухода из семьи нанимателя некоторые девушки продолжали поддерживать отношения:

Что я лично помню, это когда она к нам приходила знакомить со своим будущим мужем... Пришла какая-то женщина к нам в гости с мужчиной... И помню, все разговоры были: о, Тася пришла, Тася пришла со своим, вроде, другом, выходит замуж, пришла к нам, познакомиться с нашей семьей, его познакомить с нашей семьей³¹.

Отношения с «девочкой из деревни» остаются в памяти ребенка как отношения с близким членом семьи. Такая няня не только воспитывает ребенка, но и сама учится жить новой, городской жизнью.

«Добрая старушка» – еще один образ няни, сформировавшийся у респондентов. В отличие от «девочек из деревни», старушек называли не просто по имени, а использовали обращение «тетя» или «бабушка». Эти женщины были не обязательно пожилыми, но с точки зрения совсем юных воспитанниц, даже няни средних лет были «старушками».

Такая няня – чаще всего, одинокая женщина, которая воспитывала чужих детей, не имея своих. Ребенок становился для нее самым близким человеком. «Туську она обожала. Обожала ребенка. Звала ее “дочунька”. И от всех она ее оберегала, и это, действительно, она была для нее второй матерью»³², – вспоминает Н. Д. Аленчикова няню своей сестры.

Если об отношениях молодых нянь с другими членами семьи респонденты много и подробно рассказывали, то о пожилых няньках подобных воспоминаний нет вообще. Создается впечатление, что полноценное общение у них было только с детьми. Судя по воспоминаниям, их единственной обязанностью было присматривать за ребенком:

Была старенькая старушка такая, тетя Поля ее звали, добрая, милая, ну, действительно очень старенькая уже, я думаю, что ей было за шестьдесят, наверно, к семидесяти. Она вот с нами сидела. В общем, ее обязанностью было просто за нами присматривать, потому что она была, действительно, очень пожилая³³.

Главная черта пожилых нянек, оставшаяся в воспоминаниях детей, это доброта: «Была очень приятная бабулечка. Ее звали Ирина, бабушка Ирина. ...она была нежная, ласковая, действительно как бабушка»³⁴. Часто используются уменьшительно-ласкательные слова: «старенькая»,

³⁰ Запись интервью от 6 июня 2009 с Т.А. Костаревой, архив автора.

³¹ Запись интервью от 21 сентября 2009 с А.Г. Черных, архив автора.

³² Запись интервью от 30 мая 2009 с Н.Д. Аленчиковой, архив автора.

³³ Запись интервью от 11 января 2010 с И. Б. Облизиной, архив автора.

³⁴ Запись интервью от 6 июня 2009 с Т.А. Костаревой, архив автора.

«бабулечка». В одном интервью возникает даже сравнение с самой знаменитой няней в российской культуре – Ариной Родионовной:

Тетя Поля была, знаете, такая старушка, ну просто типичная такая... ну вот как деревенские бабушки в то время ходили. У них были такие юбки темные и какие-то ситцевые кофты. И платок, конечно, обязательно. Вот такая вот старушечка. Вот как вот няня Арина Родионовна... можно представить, примерно то же самое³⁵.

«Добрая старушка» – близкий человек для ребенка, однако отношения с другими членами семьи не такие родственные, как у «девочки из деревни». Пожилая няня – бабушка или добрая тетя, образ которой вызывает самые приятные воспоминания.

Образ «злой няньки» встречается достаточно редко. Возможно, это объясняется тем, что для большинства респондентов детство – светлый период жизни, и воспоминания с негативной окраской вытесняются.

Среди устных воспоминаний, собранных в рамках данного проекта, самые яркие, эмоциональные и образные – воспоминания И. Б. Облизиной о репрессированной украинке – третьей по счету няней в ее семье:

Она была совсем не добрая, совсем не любила она детей, по-моему. Меня, во всяком случае, она не любила явно. А к сестре она получше относилась, потому что сестра маленькая была. Тут у меня остались какие-то жуткие вообще воспоминания: как она заставляла меня пить молоко и я не могла из-за стола выйти, пока это молоко не выпью. Или как она делала котлеты. Котлеты с чесноком, которые тоже невыносимы. Банка, наполненная такими кубиками сала. Из холодильника она ее доставала и вечером такой ритуал у нее был, это сало она ела, и я тоже до сих пор эту банку вижу. Тут, действительно, для детей больше отрицательных каких-то впечатлений, чем положительных. Мы просто плакали, говорили «мама, мы будем сидеть одни, мы все-все будем делать, только пусть она у нас больше не живет»³⁶.

Очень похожий образ «злой няньки» создает в своих воспоминаниях и известный рок-музыкант А. Макаревич:

Еще помню, как строгая Нина ставит передо мной миску с самой ненавистой моей едой — творогом, растертым в кефире, — и будильник. Чтобы через пять минут все было пусто! В кефире плавают комки от творога, и от них кого угодно может вырвать. Нина исчезает на кухне, и я в полном отчаянии перевожу стрелки аж на полчаса назад и сижу обреченно, не дыша и с творогом за щекой³⁷.

Основной мотив в обоих отрывках – принуждение, прежде всего принуждение к еде: молоко, «невыносимые» котлеты, кубики сала, растертый в кефире творог. При этом никаких других негативных момен-

³⁵ Запись интервью от 11 января 2010 с И. Б. Облизиной, архив автора. Стоит отметить, что именно в тридцатые годы начинается культивирование образа «няни поэта» как женщины, благодаря которой дворянин Пушкин узнает русский народ и проникается его культурой.

³⁶ Там же.

³⁷ Макаревич. 2008. С.38.

тов никто не вспоминает. Наоборот, нарисовав столь мрачную картину, респондентка добавляет: «Ну, не все так было плохо. Она с нами играла, она нас смешила»³⁸. Таким образом, можно сделать вывод, что негативный образ связан, прежде всего, с практикой насильственного кормления, которая чрезвычайно болезненно воспринимается детьми.

Безусловно, на восприятие ребенком няни влиял уже имевшийся опыт отношений. Если общение с первой няней Лушей для Б. Зиф было «душевным отдохновением», то со сменившей ее латышкой Алвиной не было никакого эмоционального контакта: «Я была отчуждена. Она мне мешала, раздражала»³⁹. О том, что девочка не чувствовала духовной близости, которая в ее понимании была обязательна в отношениях с няней, говорит и то, что в автобиографической повести Алвина ни разу не называется «няней», а только «домработницей». У маленькой Бэлы уже в детстве сложился идеальный образ няни, и человек, выполнявший эти функции, но не соответствовавший образу, «няней» быть не мог.

Воспоминания, которые основаны на рассказах взрослых, лишены какой-либо эмоциональной окраски, даже если повествуют о неприятных для ребенка эпизодах: «Я знаю, что одна няня, когда мы в летнее время снимали дачу в Верхней Курье, дернула меня сильно за руку – я засмотрелась на играющих ребят в волейбол, и оборвала мне связку. Мне оперировали руку. Ее уволили»⁴⁰. Вряд ли в данном случае можно говорить о сложившемся негативном образе, хотя порванная связка – более серьезный проступок, чем котлеты с чесноком. Та же респондентка вспоминает рассказы своих родителей о другой няньке:

Одна няня была девочка. Она... воровала. Я слышала, что была украдена золотая брошка, я слышала, что какую-то гипюровую сорочку... но на этом внимания не акцентировалось, это никому не приятно было, видимо, вспоминать. Просто это я случайно услышала из разговора, и они говорили, что она это передавала родителям.

От няни ребенок получал информацию и навыки, знакомился со взрослым миром. Няня – будь-то девочка из колхоза или женщина в возрасте, была человеком из другой социальной среды. Она не только сама приспособливалась к городской жизни, но и несла свои, деревенские бытовые практики⁴¹. Одна из респонденток отмечает, что главный

³⁸ Запись интервью от 11 января 2010 с И. Б. Облизиной, архив автора.

³⁹ Запись интервью от 24 января 2010 с Б.Л. Зиф, архив автора.

⁴⁰ Запись интервью от 21 сентября 2009 с А.Г. Черных, архив автора.

⁴¹ Как отмечает Р. Сартти, прислуга на протяжении многих веков была «каналом передачи культуры между различными социальными классами», при этом слуги выступали в качестве «учителей» для детей своих хозяев. См.: *Sarti*. 2007. P. 573.

след, который няни оставили в ее жизни – это знакомство с абсолютно новым для нее миром: «Мы тоже познакомились совсем с людьми другими, которых мы никогда бы не увидели, если бы не эти няни. Люди совсем из другой среды, ...ну вообще вот, из другой жизни»⁴². Для детей советской интеллигенции и управленческой элиты такая встреча была редкой возможностью что-то узнать о селе. Так, например, внучке академика Д. С. Лихачева хорошо запомнились рассказы няньки, жившей в их семье с 1937 года, о еще доколхозной жизни деревни:

Тамара Михайлова родилась в деревне под Смоленском в 1915 году, значит, когда началось уничтожение крестьянства, ей было 13-15 лет. Она рассказывала, как веселилась с подружками, как ходила по праздникам на базар и каталась на карусели, поворотный механизм которой был прост — после катания она увидела, как парни из ее же деревни вылезают усталые и взмыленные из-под навеса, закрывающего нижнюю часть карусели⁴³.

О том, что няньки являлись каналом передачи деревенской культуры, говорит и эпизод, рассказанный одной из респонденток:

Праздновала тут чей-то день рождения, и одна из нянечек решила, чтобы я поздравила гостью, у которой был день рождения. Собралась довольно высокопоставленная публика дома, я вышла и сказала: “Будь здорова, как корова, будь счастлива, как свинья”. За что мне очень досталось⁴⁴.

Няни старшего поколения приносили в дом советской элиты такой неотъемлемый элемент деревенской культуры как религиозность. Дочь известного физика А. В. Фока вспоминает: «на рождество (или пасху?) к нам пришли поп с дьяконом в облачении и кропили “святой” водой в детской. Устраивала все, несомненно, няня Муняя»⁴⁵. Сам факт говорит о привязанности няни к ребенку и стремлении защитить известными ей способами. Однако желание няньки приобщить ребенка к религии далеко не всегда встречало поддержку у родителей, особенно если те были убежденными партийцами или людьми, для которых это могло создать проблемы с властью, как, например, родителей Б. Зиф: «О церкви она много говорила со мной. Водила меня. Родители были недовольны». В автобиографическую повесть поэтесса включила эпизод о крещении, которого, как выяснилось на интервью, на самом деле не было. Несмотря на то, что Зиф выросла в еврейской семье и в определенной мере ощу-

⁴² Запись интервью от 11 января 2010 с И. Б. Облизиной, архив автора.

⁴³ Курбатова. 2006.

⁴⁴ Запись интервью от 6 июня 2009 г. с Т. А. Костаревой, архив автора. Очевидно, няня научила воспитанницу деревенской присказке, восходящей к традиционному крестьянскому приветствию «Будь здорова, как корова, плодovitа, как свинья». См.: Даль. 1987. С.322

⁴⁵ Фок. 1993. С.136.

щает себя членом еврейской общины сегодня, любовь к атмосфере православного храма, привитая ей русской няней, осталась: «А мне нравилось в церкви. Мне и сейчас там нравится. Мне и сейчас там хорошо»⁴⁶.

При общении няни и ребенка возникали и другие нежелательные темы. Истории из нелегкой колхозной жизни, неосторожные высказывания и даже антисоветские частушки оставляли след в памяти ребенка. В своих воспоминаниях З. Курбатова описывает следующий эпизод:

Однажды я сидела на кухне, глядя на то, как тетя Тамара лепит пирожки, и тут-то она спела при мне частушки, каждый раз варьируя слова.

Пароход идет мимо пристани,

Будем рыбу кормить коммунистами.

Пароход идет – Волга кольцами,

Будем рыбу кормить комсомольцами.

Я тут же начинаю распевать новую песню, смутно догадываясь, что в ней есть какое-то хулиганство, если не больше — смелость. Я прекрасно помню, что няня меняется в лице от испуга и умоляет меня больше не повторять веселые куплеты⁴⁷.

Реакция няни вполне объяснима, ведь частушки были действительно крамольными и могли стать причиной неприятностей для семьи видного советского ученого. При этом ребенок не мог понять политического подтекста куплетов, так что вполне возможно, что их оценка как «хулиганских» и «смелых» – более поздний конструкт. И все же эта история говорит о том, что няни являлись важным источником информации, которой ребенок не получил бы от родителей.

Взрослые, окружающие ребенка и имеющие на него влияние, играют важную роль в выборе им жизненного пути, реализации его внутреннего потенциала. Таким взрослым могла являться и няня. Одна из респонденток, сожалея о том, что не смогла добиться успеха в музыке, возлагает вину на нянек: «Нянек раздражала игра на пианино и они отправляли меня вместо этого гулять. Я считаю, что они меня отвратили в какой-то мере...»⁴⁸. Если в случае с игрой на фортепиано роль няни не совсем очевидна, то в истории, рассказанной А. Годинер, вмешательство няни в судьбу «особого ребенка» действительно было решающим:

Она сыграла в судьбе моей сестры большую роль, потому что... сестра в два года заболела. Тогда это был такой прессинг, что надо отдать, все. И когда был семейный совет (я была не такая маленькая, чтобы не запомнить, и не такая большая, чтобы меня кто-то спрашивал о чем-то), там родственники настаива-

⁴⁶ Запись интервью от 24 января 2010 с Б. Л. Зиф, архив автора. В других воспоминаниях встречаются и реальные эпизоды. Так, в детстве няня крестила известного лингвиста Н. А. Бонк. См.: *Бонк*. <http://www.rulife.ru/mode/article/1159/>.

⁴⁷ *Курбатова*. 2006.

⁴⁸ Запись интервью от 6 июня 2009 с Т.А. Костаревой, архив автора.

ли, все. И понятно было, что мама одна не отстоит, а папа говорил, что “я не могу ухаживать, я могу только зарабатывать, как вы решите, так и будет”. И няня сказала тогда, что “лучше ты пойди и выкинь ее на помойку собакам!” И эта фраза решила все. Отступились. Решили, что на помойку собакам выбрасывать не будут, и сестра осталась в семье⁴⁹.

Само участие няни в семейной совете такой важности говорит о том, что она являлась полноценным членом семьи, причем ее мнение в вопросах, касающихся воспитания детей, имело ключевое значение. В этом эпизоде няня – самый мудрый и мужественный член семьи, символ гуманности и справедливости.

Образ няни у респондентов и авторов воспоминаний, рассматриваемых в данной работе, очень светлый. Негативные эпизоды вспоминаются крайне редко и без излишней драматизации. Отношения между няней и другими членами семьи характеризуются как дружественные, а часто даже родственные. Возможно, такая благостная картина объясняется тем, что в семьях интеллигенции, в которых выросли респонденты, обстановка была достаточно демократична, а от конфликтов детей старались оберегать. Об этом напрямую говорят и некоторые респонденты:

У меня очень неконфликтная была семья. В том плане, что родители были достаточно интеллигентны, чтобы, если что-то и происходило, то ушей ребенка это не достигало. Я вообще не помню каких-то конфликтов у меня дома между родителями, абсолютно, это было за пределами моей слышимости и видимости⁵⁰.

При этом постоянный мотив «обучения» домашних работниц, их «облагораживания» не может не создавать ощущения некоего превосходства семьи нанимателей. Сложно сказать, связано ли это с тем, что большинство нянек были очень юными, или все-таки с разницей в социальном положении. Так или иначе, респонденты оценивают пребывание няни в своей семье как благо для женщины из сельской местности, идет ли речь о «девочке из деревни» или о «доброй старушке». Очевидно, что само наличие домашней работницы в семье не создавало у респондентов ощущения принадлежности к привилегированной группе. Ни в детском возрасте, ни на момент проведения интервью они не видели диссонанса между наличием прислуги и существовавшей системой социальных отношений. Лишь в одном интервью упоминается факт насмешек со стороны подружек: «Среди всех, среди всех моих детских друзей, я единственная, которая имела няню, за что меня высмеивали. Мои же подружки. Потому что никаких нянек у них не было. Вот. У них сидели мамы. И они меня... укоряли, что ли, в то время. Что как это так,

⁴⁹ Запись интервью от 2 декабря 2009 с А.В. Годинер, архив автора.

⁵⁰ Запись интервью от 6 июня 2009 с Т.А. Костаревой, архив автора.

не как у всех. Вот. Мне это не нравилось»⁵¹. При этом причиной насмешек было не то, что респондентка не ходила в детский сад, как все советские дети, а то, что за ней присматривала нянька, а не мама. Это еще раз говорит о том, что домашняя работница, присматривающая за детьми, была не столько статусным атрибутом, «бытовым признаком власти»⁵², сколько вынужденной мерой для работающих матерей.

Обращение к образу няни позволяет нам по-новому взглянуть на сам феномен советского детства. Обычно в работах по этой проблеме упор делается на методы коллективного воспитания в яслях и детских садах, на то, как в дошкольных учреждениях реализовывались идеологические установки большевиков, как воспитывали будущих советских граждан⁵³. Эта сторона воспитания детей эпохи сталинизма широко отражена в традиционных исторических источниках: материалах прессы, архивных документах, в многотиражной дидактической литературе. При этом очень мало внимания уделяется альтернативным каналам информации, из которых советские дошколята черпали знания об окружающей действительности. Именно таким каналом были няни – деревенские женщины, которые приносили в дома советской интеллигенции не только крестьянскую бытовую культуру, но и проблемные для публичного обсуждения темы коллективизации, раскулачивания, религии.

Воспоминания о нянях позволяют глубже понять процесс формирования советской интеллигенции эпохи «оттепели», по-новому увидеть некоторые его стороны. Один из таких аспектов – широко обсуждаемый в заинтересованных кругах, но не в полной мере изученный историками феномен достаточно массового принятия христианства молодыми советскими интеллигентами еврейского происхождения в 1960–70-х гг. Безусловно, большую роль в этом процессе сыграло практически полное отсутствие иудейской религиозной инфраструктуры и связанной с ней общины на фоне возрождения интереса к вере и религии в советском обществе в целом⁵⁴. Однако, воспоминания о нянях в семьях сталинской интеллигенции говорят о том, что знакомство с православием происходило на гораздо более раннем жизненном этапе и было овеяно ореолом любви к близкому человеку – няне.

Таким образом, картина советского детства и системы культурных связей эпохи сталинизма без понимания той роли, которую в них играли няни, остается неполной и упрощенной.

⁵¹ Там же.

⁵² Измозик, Лебина. 2001. С. 109.

⁵³ См., например, Kelly. 2007.

⁵⁴ Занемонец. 2004.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аллилуева С. Двадцать писем к другу // <http://bibliotekar.ru/allilueva/12.htm>
- Бонк Н. А. Взяла с собой вышивание. Наталья Александровна Бонк о родных местах, людях и иностранных языках. <http://www.rulife.ru/mode/article/1159/>.
- Здравомыслова Е., Темкина А. История и современность: Гендерный порядок в России // Гендер для «чайников». М., 2006.
- Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги России / Сост. В. Б. Жиромская. СПб.: Рус.-балт. информ. центр, 1999. 207 с.
- Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / Под ред. Ю. А. Полякова. М.: Наука, 1992. 256 с.
- ГАПК. Ф. 470. Оп. 1. Д. 65. Лл. 21, 36.
- Гринченко Г. «Устные истории» и проблемы их интерпретации (на примере устных интервью с бывшими оstarбайтерами Харьковской области) // Век памяти, память века. Челябинск, 2004. С. 215-227.
- Даль В. Пословицы русского народа. Том II. СПб.; М., 1987. 638 с.
- Фок М. В. Воспоминания. <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/viet/1993/2/132-138.pdf>
- Дамье В. В. Карандаши. // http://zhurnal.lib.ru/d/damxe_w_w/karandashi.shtml.
- Занемонец А. Я. Русско-еврейская молодежь в поисках религиозной идентичности. Доклад на конф. «Русскоязычное еврейство в современном мире: ассимиляция, интеграция и общинная жизнь», 14-16 июня 2004, ун-т. Бар Илан, Израиль. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Iudaizm/Article/Zanem_RussEvrMol.php
- Зиф Б. Л. Провинция: Повесть. Из воспоминаний. Пермь: Издательско-полиграфический комплекс «Звезда», 2004. 208 с.
- Измозик В. С., Лебина Н. Б. Жилищный вопрос в быту ленинградской партийно-советской номенклатуры 1920-1930-х гг. // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 98-110.
- Курбатова З. Жили-были // Наше наследие. 2006. №79-80 // <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7908.php>
- Макаревич А. «Сам овца». М.: Захаров. 2008. 272 с.
- Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях / Безрогов, О.Е. Кошелева, Е.Ю. Мещеркина, В.В. Нуркова. М.: УРАО, 2001. 192 с.
- Природа ребенка в зеркале автобиографии / Ред. Б. М. Бим-Бад, О. Е. Кошелева и др. М.: УРАО, 1998. 431 с.
- Салова Ю. Г. Семейное и общественное воспитание детей дошкольного возраста в Советской России в 1920-е годы. Стендовый доклад // Международная научная конференция «История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России», Москва, РГГУ, 1-2 октября 2009 г.
- Kelly C. Children's World: Growing up in Russia in 1890-1991. Yale University Press, 2007. 719 p.
- Sarti, Raffaella. Dangerous Liaisons: Servants as 'Children' Taught by Their Masters and as 'Teachers' of Their Masters' Children (Italy and France, Sixteenth to Twenty-First Centuries). Paedagogica historica. 2007. Vol. 43. № 4. Pp. 565-587.
- Клоц Алиса Ростиславовна**, соискатель кафедры новейшей истории России Пермского государственного университета; alissaklots@yandex.ru